

D.A. Pavlova, L.M. Ekzekova, A.L. Rogachevskij
LEGAL NATURE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE
UNDER DIGITAL ECONOMY: PROBLEMS AND RISKS

Daria Pavlova – post-graduate student, the Department of Civil and Corporate Law, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg; **e-mail: pavlovadari@mail.ru.**

Lina Ekzekova – post-graduate student, the Department of Civil and Corporate Law, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg; **e-mail: l_shayn@mail.ru.**

Aleksandr Rogachevskij – professor, the Department of Civil and Corporate Law, St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Law, professor, St. Petersburg, **e-mail: museum-juridicum@mail.ru.**

We analyze regulatory legal acts as well as doctrinal sources concerning the legal nature of artificial intelligence. We make a conclusion that artificial intelligence should be attributed to a single technology as an object of civil law. Legal risks connected with artificial intelligence are analyzed, ways to minimize them are suggested.

Keywords: digital economy; artificial intelligence; objects of civil law; subjects of civil law; civil liability.

Д.А. Павлова, Л.М. Экзекова, А.Л. Рогачевский
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ
И РИСКИ

Дария Андреевна Павлова – аспирант кафедры гражданского и корпоративного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург; **e-mail: pavlovadari@mail.ru.**

Лина Муссовна Экзекова – аспирант кафедры гражданского и корпоративного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург; **e-mail: l_shayn@mail.ru.**

Александр Львович Рогачевский – профессор кафедры гражданского и корпоративного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, **e-mail: museum-juridicum@mail.ru.**

В статье анализируются нормативно-правовые акты и доктринальные источники, посвящённые правовой природе искусственного интеллекта. Сделан вывод об отнесении искусственного интеллекта к единой технологии как объекту гражданского права. Рассмотрены правовые риски, связанные с деятельностью искусственного интеллекта, разработаны предложения по их минимизации.

Ключевые слова: цифровая экономика; искусственный интеллект; объекты гражданского права; субъекты гражданского права; гражданско-правовая ответственность.

Научно-техническая революция ознаменовала переход общества в наиболее развитых странах мира от индустриальной фазы к постиндустриальной. Инновации приходили несколькими волнами, и одной из важнейших стало повсеместное рас-

пространение техники и технологий, основанных на искусственном интеллекте. Специалисты говорят о том, что с 1990-х гг. и по настоящее время мир переживает уже пятую такую волну, которая образует среднюю фазу кибернетической револю-

ции и станет основой для нового, шестого по счёту технологического уклада. Наступление последнего прогнозируется на 2030–2040-е гг. и должно ознаменоваться созданием комплекса медико-био-наноробото-инфо-когнитивных технологий. Однако несомненные и очевидные успехи в этой области поставили человечество перед новыми вызовами. К важнейшим среди них относятся явные диспропорции в развитии, которые задерживают приход новой волны инноваций и обусловлены, как минимум, четырьмя обстоятельствами. Это, во-первых, отставание периферийных стран от наиболее передовых. Во-вторых, экономика опережает политическую и иные составляющие, необходимые для сбалансированного внедрения технологий. В-третьих, внедрение и распространение последних происходит не само по себе, а только в соответствующей социально-политической среде. Наконец, в-четвертых, арена современных изменений стала глобальной, поэтому политические, социальные и иные изменения, необходимые для «подтягивания», также имеют регионально-глобальный характер [8, с. 185].

В настоящей статье нам хотелось бы привлечь внимание к одному из вышеупомянутых аспектов, а именно к политико-правовым предпосылкам, необходимым для оптимального использования искусственного интеллекта. К их числу относится сложный и весьма дискуссионный вопрос о правосубъектности последнего. Поначалу он не был предметом серьёзного рассмотрения в юридической среде и время от времени затрагивался разве что в научно-фантастической литературе и футурологических сочинениях. Однако в настоящее время в связи с повсеместным проникновением искусственного интеллекта в жизнь юристы вынуждены решать эту проблему.

Современные правоведы пребывают в некоторой растерянности, поскольку признание статуса лица за роботом размывает традиционную, веками сложившуюся систему, в которой действуют лишь физические и юридические лица. Так, Й. Керстен пишет об «относительной правосубъект-

ности», в рамках которой правосубъектность (или, по крайней мере, элементы таковой) может быть признана в будущем не только за искусственным интеллектом, но и за сетевыми сообществами, формирующимися стихийно, как «внезапные рои» (*emergente Schwärme*). Последнее обусловлено, по его мнению, бурным развитием социальных сетей и становлением системы Web 2.0 в целом [16, с. 14–16]. В свою очередь, Б. Брожек и Т. Петшиковский указывают на то, что в современных условиях приходится признать ограниченность традиционной правовой системы, и ставят вопрос о возможности ввести новую категорию – «неличные субъекты права» (*non-personal subjects of law*). К числу последних они относят не только роботов, но и, например, высших животных, особенно приматов [15, с. 7–10; 17, с. 58–61]. Нидерландский юрист Ванден Хоуван Гендерен в содержательной статье «Правосубъектность в эпоху роботов с искусственным интеллектом» оперирует понятием «искусственное юридическое лицо» (*artificial legal person*), которое, по его мнению, является «зонтичным»: в его рамках найдётся место как традиционным юридическим лицам, так и носителям искусственного интеллекта. Это возможно с тем большим основанием, что статус лица присваивался объектам, не обладающим ни интеллектом, ни волей. Так, храмы в Древнем Риме и церковные здания в средние века рассматривались как лица. Статус юридического лица (а не просто имущества) может получить корабль. В наши дни река Уонгануи в Новой Зеландии (в 2017 г.) и несколько рек в Индии получили статус юридических лиц в целях охраны окружающей среды. Если робот сконструирован для рациональных и ответственных действий (*astheresponsible, rationalactor*), у нас есть основания признать за ним, по крайней мере, элементы правосубъектности, считая его лицом *suigeneris* [19, с. 237]. Его американский коллега Ш. Байерн в работе «Искусственный интеллект и частное право», не отвергая в принципе возможности признать статус лица за роботом, в то же время видит один из путей решения проблемы в

развитии договорного права. По его мнению, это возможно в рамках так называемых структурных соглашений, согласно которым те или иные действия по соглашению сторон договора будут выполняться с помощью компьютерной программы. Автор признаёт, что в американской системе общего права подобные соглашения могут и не найти поддержки в судах, придерживающихся традиционной концепции договорного права. Тем не менее Байерн полагает, что в США практика таких соглашений постепенно войдёт в жизнь по трём причинам. Во-первых, классическое договорное право, по его мнению, находится в упадке, а его формальная доктрина уже не в состоянии учитывать реальные потребности бизнеса. Во-вторых, стороны вправе сами избирать право, применимое к их контракту. В-третьих, само общее право во многом обязано своим содержанием давлению бизнеса. Если стороны заключают соглашение честно и добросовестно, легко предположить, что многие суды станут на защиту предусмотренных им положений [14, с. 146–148].

В 2019 г. появилась объемная книга Дж. Тернера, в которой представлена современная панорама правовых проблем, связанных с внедрением искусственного интеллекта. Свои соображения относительно возможности признать правосубъектность роботов автор резюмирует в том духе, что носители искусственного интеллекта уже заняли своё место в нашей цивилизации и не оставят его. Следовательно, задача людей – приспособить их к нашей жизни таким способом, который отвечает нашим интересам и их возможностям. В конце концов, идея «традиционного» юридического лица тоже не сразу пробила себе дорогу, но сегодня выступает как важнейший элемент гражданского права [18, с. 205].

Рассмотренные концепции, разумеется, далеко не исчерпывают всего многообразия мнений по вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта, высказанных в мировой науке, но дают представление о сложности и многоплановости проблемы. Как же обстоит с этим вопросом дело в нашей стране? Россия не

осталась в стороне ни от описанного технологического развития, ни от юридических дискуссий по его поводу. Как и в других странах, цифровизация и у нас играет одну из ключевых ролей в становлении современного общества.

С учетом необходимости законодательного регулирования, отвечающего особенностям современного гражданского оборота, был принят Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ, регламентирующий проведение эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта.

Согласно п. 2 ст. 1 данного Закона под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [1].

Среди технологий искусственного интеллекта выделяют обработку естественного языка, компьютерное зрение, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений. Таким образом, искусственный интеллект представляет собой имитацию интеллекта человека при помощи технических устройств на основе машинного обучения. Указанное в Законе определение носит общий характер и позволяет отнести к искусственному интеллекту не только существующие технологии, но и те, которые на данный момент находятся в разработке. Также широта данного определения обусловлена гетерогенностью технологий на основе искусственного интеллекта.

Исходя из данного определения, искусственный интеллект обладает следующими признаками:

- способность принятия, обработки и передачи информации при помощи специальных технологических решений, имитирующих естественный интеллект человека;

- результаты процессов, проводимых искусственным интеллектом, должны отвечать признакам результатов, полученных в результате интеллектуальной деятельности человека (умственная, мыслительная, познавательная и творческая);

- способность к автономной работе и самообучению на основании полученной информации.

Так, по мнению П.М. Морхата, искусственный интеллект «раскрывается как полностью или частично автономная самоорганизующая (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе биокибернетическая, система, наделенная/обладающая способностями и возможностями мыслить, самоорганизовываться, обучаться, самостоятельно принимать решения и т.д.» [9, с. 245]. А.В. Понкин и А.И. Редькина определяют искусственный интеллект как «кибернетическую компьютерно-программную аппаратную систему» [10, с. 94], выделяя следующие дополнительные признаки:

- элаборативная операциональность (в том числе способность к обучению и самосовершенствованию);

- способность моделирования и самореферентного принятия решений, моделирование и корректирование своих действий.

Схожей позиции также придерживается А.В. Шилейко, определяя искусственный интеллект как вычислительную машину. Л.С. Болотова пишет о рассмотрении искусственного интеллекта как компьютерной программы с интеллектуальным элементом [12, с. 65]. В.А. Шестак и А.Г. Волеводз также определяют искусственный интеллект как программу с материально-техническим обеспечением [13, с. 201].

Таким образом, с учетом проанализированных особенностей искусственного интеллекта (результат научно-технической и «интеллектуальной» деятельности), допустимо сделать вывод о том, что наиболее близким к искусственному интеллекту по своей правовой природе является такой объект гражданского права, как единая технология. Данной позиции также

придерживается Е.В. Старикова [11, с. 74], А.А. Васильев и Ю.В. Печатнова [7, с. 82], указывая на рассмотрение искусственного интеллекта как сложного объекта.

Принимая во внимание данное обстоятельство, острым видится вопрос установления гражданско-правовой ответственности за вред, который был причинен какому-либо лицу в результате использования технологий искусственного интеллекта, в том числе с точки зрения определения лиц, которые будут нести ответственность за указанный вред. Как отмечает Н.Н. Апостолова, субъектом ответственности в области использования искусственного интеллекта может быть широкий круг лиц: 1) создатель, 2) лицо, осуществившее программное обеспечение технологий искусственного интеллекта, 3) лицо, использующее искусственный интеллект с той или иной целью [6, с. 116].

Гражданское законодательство РФ в настоящее время не содержит норм, регламентирующих юридическую ответственность за вред, причиненный деятельностью, связанной с использованием систем искусственного интеллекта. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 г. № 2129-р, включает в себя задачи регулирования применения искусственного интеллекта, где указана необходимость дальнейшей проработки механизмов ответственности в случае причинения вреда системами искусственного интеллекта [3].

Согласно п. 6 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490, одним из основных принципов развития и использования искусственного интеллекта является безопасность, а именно: предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта [2].

В целях исполнения указанного принципа считаем допустимым утверждать,

что искусственный интеллект должен быть признан источником повышенной опасности в соответствии со ст. 1079 ГК РФ из-за невозможности полного контроля за ним со стороны человека [5]. Согласно абз. 3 п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» в качестве источника повышенной опасности судом может быть признан любой не указанный в неисчерпывающем перечне ст. 1079 ГК РФ вид деятельности, в результате которой был причинен вышеуказанный вред.

Согласно анализируемой норме ответственным лицом за причиненный жизни или здоровью граждан вред является владелец источника повышенной опасности независимо от его вины. Однако в случае с искусственным интеллектом целесообразно отметить, что ответственность должно нести не только лицо, его использующее, но и лица, осуществлявшие разработку данной технологии, которая повлекла за собой причинение вреда.

В связи с данным выводом допустимо утверждать, что такой вред будет являться совместно причиненным по смыслу п. 2 ст. 1081 ГК РФ, и юридическое лицо или физическое лицо, возместившее такой вред, имеет право в порядке регрессивного требования получить возмещение с каждого из причинителей вреда в размере, соответствующем степени его вины.

Для того, чтобы защитить права и законные интересы лиц, которые могут быть привлечены к ответственности, существует необходимость в дальнейшем ввести систему страхования гражданской ответственности, урегулировав данные общественные отношения нормами гражданского законодательства в области имущественного страхования.

Например, если деятельность, связанная с использованием технологий искусственного интеллекта, будет признана в качестве источника повышенной опасности на законодательном уровне, тогда необходима разработка проекта Федераль-

ного закона, нормы которого регламентировали бы обязательное страхование гражданской ответственности владельцев технологий искусственного интеллекта по аналогии с ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 27.07.2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте», ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 25.04.2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и др.

Так, помимо обязательного страхования, рациональна идея создания компенсационных фондов, что позволит в перспективе возмещать вред, причиненный использованием технологий искусственного интеллекта, который не будет покрыт страхованием. Институт компенсационных фондов возмещения вреда активно используется в сфере строительства (ст. 55.16 ГрК РФ) [4]. Главной целью данных фондов является обеспечение имущественной ответственности членов саморегулируемой организации перед третьими лицами. Важно отметить, что регламент деятельности данных фондов в сфере искусственного интеллекта еще только предстоит разработать.

Таким образом, применение данных институтов в сфере использования технологий искусственного интеллекта будет способствовать защите прав и интересов физических и юридических лиц, которым был причинен вред от использования искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон РФ от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст.

2701.

2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

3. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 35. Ст. 5593.

4. Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ст. 16.

5. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

6. *Апостолова Н.Н.* Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 112–119.

7. *Васильев А.А., Печатнова Ю.В.* Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Цифровое право. 2020. № 1(4). С. 74–83.

8. *Гринин Л.Е., Гринин А.Л.* Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 172–197.

9. *Морхат П.М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: БукиВеди, 2017. 257 с.

10. *Понкин И.В., Редькина А.И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. 2018. № 1. Т. 22. С. 91–109.

11. *Старикова Е.В.* Правовая природа и признаки искусственного интеллекта в законодательстве Российской Федерации

// Актуальные проблемы экономического права: от хозяйственного права к праву цифровой экономики: сб. научных статей. СПб.: СПбГЭУ, 2021. 93 с.

12. *Тлембаева Ж.У.* О некоторых подходах к правовому регулированию искусственного интеллекта // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2021. № 2 (65). С. 61–74.

13. *Шестак В.А., Волеводз А.Г.* Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2. Т. 13. С. 197–206.

14. *Bayern S.* Artificial Intelligence and Private Law // Research Handbook on the Law of Artificial Intelligence / Ed. by W. Barfield. Cheltenham – Northampton (Mass.): Edward Elgar Publishing, Inc., 2018. P. 144–154.

15. *Brožek B.* The Troublesome ‘Person’ // Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn / Ed. by V.A.J. Kurki, T. Pietrzykowski (Law and Philosophy Library. Vol. 119). Cham: Springer, 2017. P. 3–14.

16. *Kersten J.* Relative Rechtssubjektivität. Überautonome Automaten und emergente Schwärme // Zeitschrift für Rechtssoziologie. 2017. № 37(1). S. 8–25.

17. *Pietrzykowski T.* The Idea of Non-personal Subjects of Law // Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn / Ed. by V.A.J. Kurki, T. Pietrzykowski (Law and Philosophy Library. Vol. 119). Cham: Springer, 2017. P. 49–67.

18. *Turner J.* Robot Rules. Regulating Artificial Intelligence. London: Palgrave Macmillan, 2019. 377 p.

19. *van den Hoven van Genderen R.* Legal Personhood in the Age of Artificially Intelligent Robots // Research Handbook on the Law of Artificial Intelligence / Ed. by W. Barfield. Cheltenham – Northampton (Mass.): Edward Elgar Publishing, Inc., 2018. P. 213–250.